

Глава 48: Ученик — злодейский Владыка демонов с сердцем черного лотоса и нежный учитель-плакса (Часть 6)

Те, кто находился внутри комнаты, ничего не заметили.

Цзян Лоло до боли закусил нижнюю губу, из последних сил сдерживая рыдания. Но боль от ожога была поистине невыносимой! Он невольно всхлипнул; глаза, полные слез, сияли влажным блеском. Казалось, стоит боли усилиться хоть на мгновение, и этот поток уже будет не остановить.

Чу Суйбай с предельной осторожностью наносил мазь. Кожа наставника, от природы белоснежная, под воздействием кипятка покрылась пугающими багровыми пятнами, которые выглядели почти зловеще на фоне общей бледности.

— Скоро станет легче, Шицзунь, потерпите еще немного... Сейчас всё пройдет, — негромко уговаривал он, стараясь успокоить учителя.

Не дождавшись ответа, Суйбай поднял голову и замер: его прекрасный наставник смотрел на него сквозь пелену слез, застывших на густых ресницах. Дрожащие капли вот-вот готовы были сорваться и покатиться по щекам.

Чу Суйбай не смел самовольно коснуться его лица, чтобы вытереть слезы, и лишь твердил одно и то же:

— Уже почти всё... Скоро перестанет болеть, правда...

Лоло шмыгнув носом, и в его голосе прозвучали плаксивые нотки:

— Тогда... поторапливайся...

В следующее мгновение до него, видимо, дошло, как жалко он выглядит, расплакавшись перед собственным учеником. От этого осознания на душе стало еще горше, и слезы, которые он так тщетно пытался сдерживать, градом хлынули из глаз.

***

Юноша в черном одеянии долго стоял у порога. В его глазах, темных, как сама бездна, застыл ледяной холод. Кулаки были сжаты так крепко, что костяшки побелели, а на тыльной стороне ладоней отчетливо проступили вздувшиеся жилы.

«Как он смеет?»

«Стоило мне оставить его лишь на миг, как он уже... с другим?»

«Неужели он настолько... настолько не выносит одиночества?»

До Мо Юньци доносились приглушенные голоса, и он с трудом подавлял вспышки необузданного гнева, бушующего в груди. Глубоко вдохнув и медленно выдохнув, он заставил себя внешне успокоиться, но даже с закрытыми глазами он продолжал видеть ту сцену, что открылась ему через щель в дверях.

Его дражайший наставник в полурасстегнутой одежде сидит на краю постели, а перед ним на коленях застыл этот Чу Сьюбай.

Предаваться такому бесстыдству среди бела дня... Это было просто невыносимо!

Холодный ветер хлестнул его по лицу, словно звонкая пощечина, отрезвляя и напоминая о приличиях, но он был не в силах потушить пожар ярости в его сердце.

Мо Юньци почувствовал горькое разочарование. А ведь он хранил ту книгу с Техникой сердца как величайшее сокровище! Но стоило наставнику сделать ему подарок, как он тут же отправился любезничать с этим Сьюбаем.

Просто верх бесстыдства!

И этот проклятый Чу Сьюбай... Разве он не презирал учителя всей душой? Разве не мечтал о его смерти? Почему же всё так внезапно изменилось?

Чувствуя, как внутри закипает раздражение, Мо Юньци прищурился и невольно коснулся рукояти своего меча. Неужели его прежние попытки рассорить их привели к обратному результату и лишь подтолкнули их друг к другу?

При этой мысли чело юноши омрачилось, а в глубине его зрачков промелькнул злобный огонек.

***

Той ночью бледный диск луны застыл среди черных, почти лишенных листьев ветвей. Хлопья снега кружились в воздухе, укрывая безмолвный дворец Зелёного Инея пушистым покровом.

— Шицзунь! — раздался у дверей встревоженный возглас.

Цзян Лоло вскинул голову. Его младший ученик в облегающем черном дорожном костюме

стремительно вошел в комнату. Вид у него был крайне обеспокоенный.

— Случилось беда! Мы со старшим братом и братом Чу охотились на горе Плоской Вершины, но там творится что-то неладное. На гору пала какая-то скверна, и они оба внезапно исчезли!

— Веди меня туда, — Лоло мгновенно поднялся.

Мо Юньци привычным жестом подхватил его накидку и набросил на плечи учителя:

— Я укажу дорогу.

Небо уже окончательно потемнело, но для тех, кто шел путем совершенствования, ночной мрак не был преградой. Оставив позади пик Зелёного Инея, они по крутым горным тропам поспешили к месту происшествия.

Гора Плоской Вершины, растянувшаяся на многие ли, находилась неподалеку от горы Зелёных Облаков, где располагался их орден. Места здесь были дикие и малолюдные, но богатые редкими травами и магическими зверьми, поэтому ученики часто наведывались сюда ради практики.

Едва ступив на склоны горы, Цзян Лоло невольно нахмурился. Туман здесь был необычайно плотным — и это не была обычная белесая дымка. В воздухе отчетливо ощущались завихрения черной энергии, что указывало на присутствие могущественного демонического зверя.

Лоло не знал, на что способно его нынешнее тело и хватит ли ему сил справиться с опасностью, но упускать шанс завоевать расположение Чу Сюйбая он не мог. Каким бы трудным ни было испытание, он был обязан пойти на риск.

Глядя на спешащего впереди наставника, Мо Юньци плотно сжал губы, а в его темных, как полночь, глазах блеснула странная решимость.

— Шицзунь, это здесь.

Впереди зияла пропасть. Глядя вниз с края обрыва, можно было различить лишь бесвратную черную бездну, глубину которой невозможно было угадать.

Цзян Лоло бросил вниз камень и, не дождавшись звука падения, произнес:

— Я пойду искать их. Ты жди здесь.

— Шицзунь, позволь мне пойти с тобой!

— Нет нужды, — Лоло отрицательно качнул головой. — Мы не знаем, что там внизу. Если будет опасно, мне придется отвлекаться, чтобы защитить тебя. Как только найду их — подам знак Талисманом передачи звука.

Мо Юньци на мгновение пристально всмотрелся в его лицо, а затем коротко ответил:

— Хорошо. Будь осторожен, Шицзунь.

Юноша на меча спустился в бездну. Его сапоги коснулись слоя прелой листвы и гнилых веток; под ногами раздался сухой треск, эхом разлетевшийся в мертвой тишине. Воздух здесь был тяжелым, пропитанным запахом векового тления, и Лоло невольно прикрыл нос рукавом. Странное, гнетущее чувство медленно поползло вверх по позвоночнику.

Он незаметно сжал кулаки, мысленно вызывая к совести своих учеников: «Чу Сюйбай, если ты не добавишь мне хотя бы двадцать очков благосклонности после того, как я вызволю тебя отсюда, ты будешь просто самым неблагодарным созданием на свете!»

С шумом захлопав крыльями, с иссохшего дерева сорвался черный ворон. Он сделал несколько кругов над головой юноши, глядя на него своими мутными, похожими на рыбы глазами. От этого взгляда у Цзян Лоло мурашки побежали по коже, и ему нестерпимо захотелось немедленно улететь прочь.

Но цель его задания была где-то здесь, как и его верный последователь Сюй Чжиянь, — он не мог их бросить.

Туман сгущался, скрывая тропу. Лоло протянул руку, и на кончиках его пальцев вспыхнул огонек магического пламени, разогнав мглу вокруг. Подвешенный на поясе талисман связи слабо мерцал — такие же были у его учеников, а значит, они действительно находились где-то поблизости, на дне этого ущелья.

Убеждая себя не поддаваться страху, Лоло двинулся вглубь леса. В какой-то момент его нога наткнулась на что-то твердое. Он поднес огонек ближе и едва не подскочил на месте от ужаса.

Это был человеческий череп.

Его сердце бешено колотилось. С трудом переводя дыхание, юноша поспешил дальше.

«Как же страшно! Миры самосовершенствования — это просто кошмар! Больше никогда сюда не вернусь!»

Чем дальше он заходил, тем глубже становилась тишина. Лишь шуршание его собственных шагов нарушало это безмолвие. Внезапно Лоло замер, и его лицо мгновенно стало мертвенно-бледным.

Всё это время он думал, что тихий шелест издают его шаги по сухим листьям, но стоило ему остановиться, как звук не прекратился.

Ледяная волна ужаса окатила его. Лоло до боли сжал рукоять меча, чувствуя, как по спине пробегает холодный пот.

Кто-то был рядом. За ним следили.

— Кто здесь?!

Он взмахнул мечом, посылая волну духовной энергии, но та лишь срезала ветки сухих деревьев и ударила в скалы. Ощущение чужого присутствия не исчезло. Там, за плотной завесой тумана, в каком-то темном углу, чьи-то глаза неотрывно следили за ним...

Дрожа от страха, Лоло бросился вперед. Как он и ожидал, невидимый преследователь не отставал, подстраиваясь под его бег. Звук шагов раздавался на одном и том же расстоянии — казалось, неизвестный намеренно играет с ним.

Заметив впереди вход в пещеру, Лоло нырнул внутрь и, обнажив меч, замер в ожидании врага. Шаги снаружи стихли. Он уже собирался облегченно вздохнуть и опустить оружие, как вдруг почувствовал на затылке чье-то нежное, едва уловимое дыхание...

Холодное чувство, словно от взгляда ядовитой змеи, сковало его тело. От ужаса Лоло был готов разрыдаться: этот преследователь уже стоял прямо за его спиной!

Запястье онемело, и меч с глухим звоном упал на камни. Всё его тело словно парализовало, а в горле застрял комок, не давая издать ни звука. Чья-то широкая ладонь накрыла его глаза, и неизвестный обошел его спереди.

Склонившись, он почти невесомо коснулся губ Лоло своими...

«Только не это!»

«Неужели меня снова собираются... обесчестить?!»

Ресницы Лоло лихорадочно затрепетали. Что это за безумный мир такой?! Неужели это действительно благородный орден?!

— Бессмертный Почтенный столь прекрасен... Слухи не лгали, — раздался у самого его уха низкий голос, в котором слышались интонации любовного шепота. — Я хотел наказать тебя...

Пальцы незнакомца нежно коснулись его щеки, последовал тихий смешок:

— Но ты сейчас такой послушный, что мне даже жаль портить эту красоту...

В глазах у Лоло внезапно потемнело, чьи-то сильные руки подхватили его тело. Он услышал, как незнакомец отшвырнул его меч, почувствовал, как его опускают на мягкий ковер из мехов, и сознание окончательно покинуло его...

***

Цзян Лоло очнулся от пронизывающего холода. Резкий ветер обдувал его руки, заставляя поежиться. Он попытался повернуться и обнаружил, что заключен в чьи-то теплые объятия. Знакомое чувство безопасности заставило его невольно прильнуть к источнику тепла, но в следующее мгновение он резко пришел в себя.

Разве его не похитили?!

В полумраке пещеры человек, крепко прижимавший его к себе, дышал ровно и глубоко — казалось, он крепко спит. Лоло попытался приподняться, но его тело отозвалось ноющей болью. Лицо его побледнело от ярости на ту череду неудач, что преследовала его с самого прибытия в этот мир.

Нащупав в волосах нефритовую шпильку, Лоло вытащил её и, сжав в руке, медленно замахнулся, намереваясь вонзить её в спящего... Но рука застыла на полпути, когда он разглядел знакомый профиль.

Меховая накидка, укрывавшая его, соскользнула на пол. Ледяной порыв ветра ворвался в пещеру, заставив Лоло вздрогнуть. Видимо, его резкое движение разбудило юношу. Тот потер лоб, и на его красивом лице отразилось сонное замешательство. Глубокие темные глаза устремились на учителя.

— Шицзунь... как я здесь оказался?

Лоло лишился дара речи. Увиденное настолько ошеломило его, что он просто не знал, как вести себя в подобной ситуации.

Взгляд юноши скользнул ниже, и его зрачки внезапно расширились от небывалого потрясения. Лицо Мо Юньци мгновенно залила густая краска — казалось, увиденное просто обожгло его. Он в панике отвел глаза:

— Шицзунь... я...

Снаружи завывал ветер, и Лоло снова задрожал от холода. Мо Юньци, спохватившись, поспешно укрыл его накидкой, а затем стремительно соскочил с каменного ложа и пал перед наставником на колени. Он не смел поднять глаз, сбивчиво пытаясь всё объяснить:

— Я видел, что Шицзунь долго не возвращается и не подает знака, и от тревоги решил спуститься следом. Но туман внизу стал еще гуще, я ничего не видел перед собой... К тому же в воздухе разлился тяжелый дурман — я вспомнил, как глава ордена на своих наставлениях говорил о «Любовном дурмане тысячи превращений»...

При этих словах чело Мо Юньци омрачилось глубоким раскаянием:

— Эта скверна туманит разум... Я хотел поскорее найти тебя и предупредить, но в спешке сбился с пути. Голова стала тяжелой, мысли спутались...

Он мельком глянул на фигуру в белой меховой накидке, и его лицо вновь вспыхнуло:

— Я пришел в себя только сейчас...

В голове у Цзян Лоло стоял гул. Ему хотелось провалиться сквозь землю или снова потерять сознание — лишь бы не смотреть в глаза своему ученику. К тому же он сам не понимал, откуда здесь внезапно взялся Мо Юньци!

Юноша, всё еще стоя на коленях, негромко позвал его:

— Шицзунь...

Лоло попытался ответить, но его обычно чистый голос звучал хрипло и безжизненно:

— Что еще за дурман?

Лицо коленопреклоненного юноши то бледнело, то заливалось краской.

— Когда-то я был лишь внешним учеником и издалека слышал речи главы. Он говорил, что в диких горах рождается скверна — там, где гибнет много людей, копится их обида, и чем её больше, тем вероятнее появление ядовитого тумана. Кажется, он упоминал, что под обрывом горы Плоской Вершины этот дурман особенно силен, но благодаря защите нашего ордена беды случаются редко.

— Однако бывают исключения. В полнолуние сила дурмана возрастает, и даже нашему ордену трудно её сдерживать. Нам строго наказывали не приближаться к этому месту в такие ночи, чтобы не пасть жертвой «Любовного дурмана тысячи превращений».

— «Любовный дурман тысячи превращений»? — Лоло недовольно наморщил носик. — Что это значит?

Мо Юньци терпеливо пояснил:

— Этот яд парализует волю, туманит рассудок и высвобождает самые сокровенные желания, таящиеся в глубине души. Но поскольку у каждого они свои, то и воздействие дурмана на всех проявляется по-разному. Оттого его и прозвали так.

Выслушав это, Цзян Лоло стал выглядеть еще мрачнее.

«Что еще за нелепый дурман?»

«Что значит "высвобождает желания"?»

«Я же не сумасшедший! Как мои сокровенные желания могли привести к... такому?!»

«Что за дурацкие правила в этом мире самосовершенствования!»

Лоло плотнее закутался в накидку. Его бледное личико в обрамлении густого меха казалось совсем крошечным и было полно смятения.

Значит, тот преследователь был лишь плодом его воображения? И на самом деле тем мужчиной... был его драгоценный младший ученик, на которого он возлагал столько надежд?!

Ну и дела!

Глядя на безмолвного наставника, юноша помрачнел, и его голос зазвучал с глубокой горечью:

— Недостойный ученик не смог совладать с искушением своего внутреннего демона и совершил столь тягчайшее преступление против Шицзуня!

Лицо Мо Юньци было бледным. С прямой спиной он застыл на коленях и произнес, чеканя каждое слово:

— Ученик осознает всю тяжесть своего греха и готов искупить его ценой собственной жизни, чтобы вернуть Шицзуню его доброе имя!

Едва он договорил, как лежащий на земле меч отозвался тихим звоном и, повинувшись воле хозяина, прыгнул ему прямо в руку. Мо Юньци обнажил клинок и занес его над своим горлом.

— Стой!

Вспышка духовной энергии отбросила лезвие в сторону. Острая сталь всё же успела коснуться кожи, оставив на длинной шее юноши глубокую рану. Крупные капли крови выступили на порезе и потекли вниз, к ключицам.

Цзян Лоло бросился к нему и в панике попытался зажать рану руками:

— Что ты творишь?!

Мо Юньци упрямо сжал губы:

— Я возвращаю Шицзуню долг своей жизнью.

— Зачем мне твоя жизнь? — Лоло вскинул на него глаза. — Ты взрослый мужчина, а из-за какой-то мелочи готов расстаться с жизнью. Неужели это того стоит?

Мо Юньци опустил веки; в его глубоком взоре читалось нечто такое, чего Лоло не мог разгадать.

— Разве для Шицзуня это... лишь мелочь?

Кожа под ладонями Лоло была горячей, а взгляд ученика заставлял его чувствовать необъяснимую вину. Он принялся неловко утешать его:

— По сравнению с самой жизнью — всё мелочи. Плоть и кровь — лишь внешняя оболочка, не стоит придавать им такое значение.

— Шицзунь, — тихо позвал его Мо Юньци.

Цзян Лоло, занятый перевязкой, машинально отозвался.

— Шицзунь, для меня это было впервые.

Руки Лоло на мгновение замерли.

— Я никогда не стремился к плотским утехам, у меня никого не было раньше. Я хранил себя... для своей будущей жены.

Лоло стало не по себе. Слушая эти слова, он невольно ощутил укол совести — словно он сам

совратил невинную душу и наставил её на путь порока.

— Поэтому для меня это не мелочь. Это вопрос всей моей жизни.

У Цзян Лоло голова пошла кругом.

«Что он хочет этим сказать?»

«Вопрос всей жизни?»

«Неужели этот мальчишка собирается заставить меня нести ответственность до конца моих дней?!»

Сильные руки легли ему на плечи, горячее дыхание коснулось лба, щекоча кожу, как легкое перышко. Лоло не смел поднять глаз, чувствуя себя пойманным с поличным негодяем, и молча слушал его признание.

Как он и ожидал, юноша прошептал:

— Шицзунь... вы должны взять на себя ответственность за меня.

Цзян Лоло остолбенел.

— Шицзунь не хочет? — в его голосе прозвучало разочарование, а руки на плечах учителя мелко задрожали.

— Я... — Лоло никогда еще не чувствовал себя в таком нелепом положении. Он набрался смелости и выпалил: — Твой учитель не помышляет о делах сердечных.

Он пришел в этот мир, чтобы завоевать расположение злодея Чу Сюйбая, а не заводить вольные романы. Он был связан обязательствами и не мог давать ложных надежд.

— Тогда не мешай мне. Если мне суждено увидеть Шицзуня с кем-то другим, я лучше умру здесь и сейчас.

Он резко отпустил плечи Лоло и снова потянулся к мечу.

Цзян Лоло в панике схватил его за руку и, не подумав, пообещал:

— Хорошо, хорошо! Я обещаю, что не буду ни с кем другим, только успокойся...

Ему ведь нужно было лишь завоевать благосклонность Чу Сюйбая, а вовсе не связывать с ним свою жизнь. Он просто останется одиноким и свободным — так будет честнее.

Едва эти слова сорвались с его губ, как юноша крепко прижал его к себе. Сильная рука пригнула голову Лоло к своей груди, и радостный голос выдохнул: «Шицзунь!»

У Цзян Лоло потемнело в глазах. Он уже начал горько раскаиваться в том, что так поспешно дал обещание. Он попытался отстраниться, но Мо Юньци вцепился в него мертвой хваткой и, словно преданный, но опасный пес, зашептал:

— Если когда-нибудь Шицзунь решит бросить меня... я впаду в такое безумие, что готов буду убивать...

— Я...

Лоло чувствовал, что здесь что-то не так. Неужели ученик его неправильно понял? Он ведь лишь обещал не быть с другими, а вовсе не клялся вечно быть с ним...

Нужно было объяснить. Цзян Лоло похлопал его по спине, собираясь всё прояснить, но Мо Юньци, словно воодушевленный этим жестом, сжал объятия еще крепче. Склонив голову, он коснулся губами его щеки; в его голосе слышался восторг ребенка, получившего долгожданное сокровище.

— Шицзунь...

— Шицзунь...

Он звал его снова и снова, с невыразимой нежностью:

— Я так и знал... Шицзунь самый лучший...

Слова объяснения так и остались произнесенными. В голове у Цзян Лоло царил полнейший сумрак. Всё кончено! Он совершенно не знал, как теперь быть...

***

Снаружи давно воцарилась кромешная тьма, скрывшая даже очертания тумана. Цзян Лоло, поправив венец в волосах, сидел на каменном ложе. На его бледном личике всё еще играл румянец, пока он смотрел на своего младшего ученика.

Называть его «младшим» можно было лишь формально — из-за времени вступления в орден.

На самом же деле все трое его учеников были почти ровесниками, хоть и разительно отличались характерами.

Старший, Сюй Чжиянь, был простым и жизнерадостным; второй, Чу Сюйбай, — воплощением благородства и сдержанности. Младший же, Мо Юньци, обладал суровой, пленительной красотой: четко очерченные скулы, высокая переносица, а его взгляд порой бывал настолько пронзительным, что лишал воли. Пожалуй, он был самым красивым из них троих.

— Почему Шицзунь так смотрит на меня? — Мо Юньци подошел ближе и, поправляя на нем одежду, мимоходом коснулся губами его лица.

Цзян Лоло неловко сплел пальцы, чувствуя, как лицо снова заливают краской.

— На людях... ты не должен так вести себя со мной... — Лоло на мгновение замялся. — Юньци, мы...

Лицо юноши было обхвачено его ладонями. Глядя в эти глаза, полные обожания, в которых отражался лишь он один, Лоло внезапно почувствовал, что правда будет слишком жестокой.

— Я знаю.

Мо Юньци поцеловал его в лоб. Его голос был низким и покорным:

— Ученик всё понимает... Я буду послушным и не доставлю Шицзуню хлопот...

Но почему-то, чем больше покорности он проявлял, тем сильнее становилось чувство вины в душе Лоло.

Его снова заключили в теплые объятия. Сильная ладонь зарылась в его волосы; младший ученик склонил голову, касаясь своим лбом его лба и легко задевая кончик его носа своим.

— Ученик не позволит им ничего узнать... Мне ничего не нужно... Лишь бы Шицзунь был рядом...

Чувствуя, что атмосфера снова становится слишком интимной, Лоло внезапно отстранился. Его длинные ресницы затрепетали:

— Уже поздно... Пора выручать твоих старших братьев...

Мо Юньци кротко ответил: «Слушаюсь», и помог ему застегнуть накидку.

Там, где Шицзунь не мог видеть, в глубине его глаз, подобных разлитой туши, бушевали темные волны. Губы Мо Юньци плотно сжались, а во взгляде промелькнула жажда крови:

«Почему его наставник вечно помышляет о других мужчинах?»

<http://bllate.org/book/15808/1437744>